

12+

Маргарита Зирен
Рождённая любить
сказка-поэма

Маргарита Зирен
Рождённая любить

«Издательские решения»

Зирен М.

Рождённая любить / М. Зирен — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-644409-6

Здравствуйтесь, дорогие читатели. Писать рассказы я начала сравнительно недавно. И это было моим хобби. Но однажды, мне захотелось написать стихи. Ну а позже, на свет появились мои сказки-поэмы, потому как этот жанр мной любим. И давая почитать их друзьям я получила положительный отзыв. Теперь моё творчество можете оценить и вы.

ISBN 978-5-00-644409-6

© Зирен М.
© Издательские решения

Содержание

Часть I	6
I	6
II	8
III	9
IV	10
V	11
VI	12
VII	14
VIII	16
IX	17
X	19
XI	20
XII	22
XIII	23
XIV	24
XV	25
XVI	27
XVII	28
XVIII	29
Часть II	31
I	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Рождённая любить

Маргарита Зирен

© Маргарита Зирен, 2025

ISBN 978-5-0064-4409-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Хочу поведать я вам сказку о ратной доблести и долге.

Сорвёт в ней честь со злобы маску, от лжи бывая не в восторге.

Любовь в ней вновь восторжествует. Но как опасен путь героя!

Ведь тёмный трон, он не пустует. Уж пост сменила вереница.

На место ж прежнего изгоя иной злодей воссесть стремиться.

Но коль безбрежен зла поток то, вечной будет и война.

Но как всегда и непременно, того лишь славы ждет венок,

В ком добродетель всем видна. В ком гнев бушует потому,

Что есть в нём милости безмерно. И так, про свет узнайте, тьму,

Войдя в глубины тех веков, где мой герой судил врагов.

Часть I

I

В пещере гранитной у самого моря дитя выживала
Смиренно не споря, от тяжкого гнёта страдая немало.
Терпела муки от невзгод любви не ведая участья.
Всё оттого что не для счастья её похитил злобный род.

И лишь одной вещице Тала могла обиды доверять.
Видать, она подозревала, что «оберег» дала ей мать.
И этот странный медальон безмерно девочка ценила.
И зло отнять бы не забыло, но драгоценным не был он.

Но тайну мне открыть пора. Искала тех среди народа
Сила вечная добра, в ком ей любя была порода.
Что ненавистно было Мраку. Но от террора духа зла
Преградным ставя их щитом, учила сила без числа.
Дабы отбить его атаку их добродетельным умом.

И часто Свет к ней приходил, ведя по сказочной стране.
Где дух любви в счастливом сне свои ей истины дарил.
А зная разницу в мирах ей пробуждаться не хотелось,
Желая лишь остаться в снах.

Но видя разума не зрелость, наоборот жалела их
Проводивших дни над кладом, вещей прекрасных и смешных
Не замечавших с собой рядом. Ни свет оставленный кометой,
Ни цветов на склоне гор. Другого не было пути,
Всегда ж заря была приметой начать чете нелепый спор.
Предлог не трудно же найти, дабы вражды воздвигнуть стену.

Из года в год такую сцену наблюдала с грустью Тала.
И сколько ж раз она пыталась остановить поток скандала.
Притом, растерянность читалась в глазах испуганных дитя.
Ведь обожая всю себя, гордилась жуткой бородой
Семейства буйного мамаша. Как и у гнома за спиной
Свисали косы точно также. Не опознать в борьбе бойцов.
К тому же в шкурах были оба. Как будто братьев близнецов
Родила одна утроба.

И от взаимных тумачков, потаскав за космы в волю,
Затем стонали вина долю, был ритуал у них таков.
Затем, нужда их в даль гнала часок другой трудиться.
А возвратившись, мать звала детишек камешком гордиться.
Когда прекрасный самородок с любовью клали в сундуке.

Но ждал сюрприз еще погодок – дары душистые в мешке.
В корзины сложит быстро Тала овощей и фруктов гору.
О чём задумываться стала. Вошла ведь детка уже в пору
И понимала, что не с неба упали свежие продукты.

Тала

– Выпекая в печке тесто не уложишься в минуты.
Ну, и кто корзину хлеба дал бы гномам без протеста?
Уж не знаю, как могли за срок не долгий отыскать
Не только камешек в пыли?

Когда ж обедать звала мать детей – семь маленьких существ,
То Тала ждала в стороне. Терпеть с собой таких соседств
В застольной утренней возне был не намерен гордый гном.
А значит, крошки со стола всегда ребёнок ел потом.
И тем малышка и жила.

II

Ну всё хозяйство на ней было: стирала, шила, печь топила,
То бежала мыть посуду. И так, весь день дитя в заботах.
Но как рада была чуду – затишью сонному в тех гротах.
И в те короткие часы бродила по песку сухому,
Ища по-детски, по-простому ответ понятный на вопрос.
Кто она? И здесь зачем? Хозяин-то почти не рос.
Она ж была другая всем и даже выше взрослых гномов.

Так она дошла до скал, где было множество отколов.
Где сыновей Большой Горал предупреждал когда-то грозно:
– К камнепаду не ходить! И калечит он серьёзно,
И даже может погубить.

И послушно идя прочь, вдруг услышала дитя
В голове призыв помочь: «Помоги, спаси меня!»
Треск и свист над морем взвился из-за камня валуна.
И вглядевшись в даль она, видит, как пленённый бился
Зверь какой-то голубой.

«Потерпи, дружок, я мигом!» – огласилось море криком.
И помчалась в грот стрелой, задыхаясь, за ножом.
Себя глупышка утешала, разберёмся, мол, потом.
Но прекрасно знала Тала, что нарушить ей придётся.
Знала, мечь её найдёт, когда гном из сна вернётся
Для излюбленных забот.

И спасать посмела Тала, давая пленникам свободы,
Сеть изрезав всю немало. Так жертва собственной охоты
Спасся сам и вся рыбёшка простилась лихо с западнёй.
Когда ж на берег вышла крошка, только думушкой одной
Была занята головка: «Не поможет мне спастись
Даже хитрая уловка. Иди, Тала, повинись.
Может чудо совершится? И поступок твой простится?»

С лохмотьев капала вода. И побрела она в пещеру,
Имея хрупкую, но веру, что везет ей иногда.
Шла и думала, что скажет: «Меня рыбка же просила.
Кто же в бедствии откажет? Меня рыба попросила?»

Поражаясь, она встала, повернувшись вновь к воде:
«Может быть уснула Тала и приснился зверь в беде?
И то правда, не бывает дельфинов бело-голубых.»

Но тут же в страхе понимает в одеждах-то она сырых.
И зверя вспомнила призыв. Но в смиренье не жалела
Ослушания пробела, важно то, что он был жив.

III

Напала с бранью на ребёнка хозяйка тёмных обителищ:
– Уже заждалась работёнка, а ты по берегу всё гуляешь!
А зачем ты прячешь ручку? Уже что-то своровала?
А ну, супруг, задай ей взбучку! Но я разведу сначала.
Ах, нож скрывает за спиной! А с одежды... так и льёт.

Склонилась девочка рабой и услышал правду грот.
Только в тайне она скрыла зверя жирного, большого.
Правда б алчного озлила. Сколько ж мяса дармового
Отпустила в море Тала! Если б Грета только знала.
Но Горал и без дельфина нашёл причину нападения.
В сети брешь, ушла сардина. Ну чем не повод избиенья?

Лишь на третьи сутки Тала, пожелав уединится,
Потихоньку с ложа встала. И шатаясь, вышла к морю.
И услышала водица: – Где они границы горю?
Нет предела и страданью. Не видно ж рядом ни одной
Души способной к состраданию нежно любящей, родной.

Малышка лежа на песке, совсем отчаявшись, рыдала.
И различалось в голоске как мать тоскуя призывала.
Она не видела дельфина, замечен был он еле-еле.
Но видел он, как ей лозина следы оставила на теле.
дельфин
– Посмела тварь избить жестоко, сломать бы руки пополам!
А раз вина в том есть моя, им ждать возмездия не долго.
Ведь отомщу за каждый шрам! Ох, проучу злодейство я!
Пощады нет семье преступной!

И тем же способом запретным уплыл, оставшись не заметным.
И ожидая кары крупной, взял курс в родимую сторонку.
Решив все прямо, без утайки отцу поведать про девчонку.

Над головой кружили чайки. Над принцем взявшись хохотать,
В другой бы раз себе на горе. Друзья и братья поиграть
Звали друга на просторе. Но пред глазами была крошка —
Человеческий ребёнок. И лишь одна вела его дорожка,
Домой стремился дильфинёнок.

IV

Владыку ж звали все Никтар, отдавая дань величью.
Но хоть и был волшебник стар, того не скажешь по обличью.
И приплыв, в прекрасном гроте, какой звался царский замок,
Гай нашёл его в заботе средь детишек и их мамок.

Гай

– Уж лучше всё скажу я сам, поговорить бы надо нам.
Твой сын ослушался тебя, прости негодного, отец.

Никтар

– Когда же было то, дитя, чтоб признавался сам шельмец?
Значит что-то приключилось? Говори, Гай, что случилось!

Гай – Я близко к берегу подплыл...

Никтар

– Ах, ты напутствие забыл! Дурной пример ты подаёшь.
Чтоб подражали все ему? Ты на изменника похож.
Не жаль тебе дитя глубин! Дождёшься, что и зверь не станет
Верить слову моему. Когда царю перечит сын,
К нему доверье в тину канет. Законом я свой трон упрочил.
И будешь слушаться, и точка!

Гай

– Я, владыка, не закончил...

Царь грозно глянул на сыночка и все в ужасе застыли.

Нектар

– Ах, ты только начал, Гай? Ну что же, дерзкий, продолжай.

И Гай поведал, как пленили сети возле бережка.
И, как отрок его спас из плетённого мешка.
Ну а дальше пришёл час слушать магу и о муках.
И узнали в грозных звуках гнев владыки справедливый.
Коль напомнил о себе гном коварством знаменитый,
Старый недруг по судьбе.

Но царь был деткой восхищён. Души увидев красоту,
Возлюбил малышку он. Но принц, зато, огрѐб беду.
Оказавшись в тесном гроте, а верней, в углу позорном.

Никтар

– Довольно кары, выплывай, уж завтрак ждёт тебя в охоте.
Ну что? Нашёл в поступке вздорном оправданье себе Гай?

Гай

– Да знаю я, что виноват. Допустил же сумасбродство.
Позволив гному проявить души порочное уродство,
Чтоб гнѐт над немощью вершить. О если бы вернуть назад.

Никтар

– Теперь, доволен твой отец, ошибку понял ты свою.
А ведь растёт в тебе боец, какого очень я ценю.

V

Гном развесил свои сети, скоро ж близился прилив.
Помогали здесь и дети штопать невода разрыв.
Не спокойным было море. Каждым летом в эту пору
Смерч гуляет всем на горе. Чего ждали, как награды.
Посвящая время сбору принесённому волною,
Скарбу разному, вещам, похваляясь, что богаты.
Но пускались в пляс порою, так рады были все рабам.
Видя только верх везенья в жертвах кораблекрушенья.

И случилось, повезло! Ставя невод гном с женой,
На песке найдя весло, рядом чудо увидали.
Обхватив бревно рукой в забытьи лежал малец.
И гномы в голос заорали: – Неужели, наконец,
К нам удача постучала! – От избытка чувств своих
Накормили для начала да желали снов цветных.
А укрыв его не смело, как он спал тревожным сном
Тала с жалостью смотрела.

Тала
– Такой миленький мальчишка да со мною не знаком.
Он такой же, как и я, коротка хоть его стрижка.
Значит, будем мы друзья. Как стало там, в душе тепло.
Дела не так уж мои плохи. Ну, и кому тут повезло?
Конечно мне, смешной дурёхе.

Повзрослела быстро Тала, угнетенье испытав.
С полуслова понимала. Вещи мокрые собрав
Отнесла на солнце греться, раскидав их по камням.
Да и к чиненным туфлям приложила своё сердце.

VI

Гномы были на охоте, когда Гай подумал в грот:
«Ну держитесь, я у цели. Но климат тут не подходящий.
Уж лучше стужа да метели, чем гиблый этот зной палящий.
Чего отец и опасался, отпуская в стан врага.
Но он, однако, зря боялся здесь же близко берега.»
И Гай, оглядывая грот, их диалог припомнил тот.
Никтар

– Ну что ж, плыви, спасай малютку. Но смотри, тебя я знаю.
Ох, не любят они шутку...

Гай

– Отлично! Ведаю теперь в какую мне стучатся дверь.

Никтар

– Остричь не надо, повторяю! Я знал ещё прадеда гнома
Великолепного Сарала. Он сдох весёлой смертью дома,
Надоев жене немало. Смех опасен бородатым,
Будь же, сын, на ум богатым. Нам разумных убивать
Запретил законом Свет. Ну-у, если только причинять
Не начнёт задира вред. Я ж надеюсь, ты не гномом
С песней явишься да танцем?

Гай

– Мальчуганом -оборванцем.

Никтар

– И желательно, с поклоном. Как прилив, так день и ночь
Постовой за валуном будет рад тебе помочь.
Отлучится только гном, весть пошли мне о себе.
Отвезти могли бы чадо. Но куда? Вопрос к судьбе.
Знать бы, чья она отрада? А раз идёшь к врагу в жильё
Узнать о матери её, жди, бродяга, меня здесь,
Кое-что для дела есть.

Но Гай стремительно поплыл к своим сестрёнкам да братишкам.
Всех же искренне любил и нежным нянькой был малышам.
Но вскоре царь вернулся с ношей, их веселия в разгар,
С волшебной помощью хорошей.

Никтар

– А ну, возьми ка этот дар. Напомню, сын, что от плодов
Ты с месяц можешь, дорогой, быть невидим для чар
Любых на свете колдунов. Но мысль увидишь наяву,
Желая тварью стать иной, как съешь волшебную траву.
Своей фантазией богатой ты нужный образ создавай.
И хоть жуком, да хоть лопатой станешь тут же, милый Гай.
Лишь скажи простое слово – «Заклинание готово».
Но не сейчас, не средь глубин.

Но лишь владыка развернулся, рассмешить решил дельфин
И жирной сельдью обернулся. И тут же вопль издал глупец,

Увидев пасть почти у носа: – Остановись, прошу, отец!

Испуг царя, глаза и поза навеки в памяти остались.
К тому ж шлепков догнала пара. И вновь дельфины ужасались,
Когда б сына настигла кара.

И вспоминать он с грустью стал, как шуткой глупою царя
Он постоянно огорчал. И принц корил себя не зря.
Серьёзней надо быть тому, уж если эра лет ему.

VII

А утром следующего дня, уж показал хозяин нрав.
К тому ж и вся его родня нашла в том повод для забав.
Когда к столу все подтянулись, собираясь вместе кушать.
Но детки в миг переглянулись, когда и Гай к еде подсел.
(Ведь надо было Талу слушать.) Вопя, он тут же отбежал.
Коль плетью гном его задел и возмущённо заорал:
– Заработай, чтобы есть!

И думал Гай, пока сбирала со стола объедки Тала:
«Не позволит принцу честь унижать огрызком гордость.
Но трудно даже описать, как рабской долюшки суровость
Стал тонко я здесь понимать. Одно не плохо, что с травой
Хищник будет разлучён, морской питаюсь лишь едою,
В рыбку будучи влюблён.»

А Тала, миски все помыв, напевала на песочке
Не затейливый мотив. И Гай присев с певуньей рядом,
Просил поведать о себе. Но поразился тем рассказом,
Сказать-то нечего рабе. Она ж не знала, кто она.
Коль пред ней всегда стояла скалы отвесная стена.
Ничего она не знала, кроме стирки да посуды.

Гай

– Говорит о плётке, Тала, алый след на белой коже

Тала

– Гном избил из-за приبلуды. И с тобою будет тоже,
Если ты грубить посмеешь.

Гай

– Ты понятия не имеешь, что могу я сделать с ними!

Тала

– Им чинить не надо вред, они станут очень злыми.
Ты всего лишь ещё мальчик, сохрани себя от бед.
Дорогой секретик есть, от них спрятала я ларчик.
За скалой лежит он здесь. В нём ракушки и каменья.
Я всё, всё тебе отдам, только делай повеленья.

Волю дал дельфин слезам, восхищаясь её нравом.
Сколько ж было красоты, сколько щедрой доброты
В человечке этом малом. Проститься с самым дорогим,
Ради жалости к другому, может девочка своим.

И промолвил он со злостью: – Жутью стану его дому!
В горле буду его костью! За каждый мизерный рубец
Ответит их тупой отец. Бываю, детка, я и страшным!
Смотрела Тала, улыбаясь, на смешной кураж мальчишки,
Рукой тактично прикрываясь. Но не это было важным.
Хоть и пыжится дружок, говоря угроз излишки.

Но никто и никогда так от сердца горячо
Ей подставить тут не мог дружбы крепкое плечо.
Лишь младший гномик иногда. И, видя верность его Тала,
И состраданье к её бедам, от счастья тоже плакать стала,
Любовь почуяв в сердце этом.

VIII

Охлаждались в море гномы, когда зной палил нещадный.
Ну а Тала, из соломы сотворив постель семейке,
Подметала грот прохладный. Помогал ей тут и Гай,
Сдвинув в угол все скамейки.

Гай

– А поведай, где берёт мать пшеничный каравай?
И где гномов огород? А раз едят ещё и мясо,
Где же стойло для скота?

Тала

– Как зори дождёшься часа, приоткроются врата
Бережённой тайны их, какую взрослые скрывают.
Ведь даже детки их не знают тот секретик для двоих.
Таят и камушек блестящий.

Гай

– Что за камушек, сестрёнка?

Тала

– Красотою он разящий, полны цветными сундуки.

Не ждала беды девчонка – мечь от Гретиной руки.
А та, с детьми у входа в грот, запрещая им орать,
Зажимая чадам рот, притаилась, чтоб узнать
Разговоры двух людей. И внеслись сынки за ней,
Дабы зрелище узреть, когда придралась бы к рыбине.

Грета

– Ох, заждалась тебя плеть! Враг ты, деточка, отныне!
Как посмела заикаться о чужом добре великом!?

И в пору было б испугаться, но Гай на волю вышел с рыком.
Знать отмщение созрело в голове его шальной.
На песке ж, лаская тело, гном блаженствовал душой.
От воздушных млея ванн, фальшивил жутко ноты он.
Природой голос хоть не дан, куплетом был он увлечён.

Когда тихо подошла «Грета» с мощною дубиной,
Найдя занятие для весла. И вдруг она, взмахнув разок,
Да с улыбочкой невинной, к его затылку приложилась.
И в глазах гнома закружилось, и он упал лицом в песок.

Не понял он, что было это? Заметил лишь, подняв главу,
Как приплясывая «Грета», хохоча, вошла в скалу.
И понесла Горала ярость на встречу к взбалмошной родне.
Весло с песочка им поднялось, дабы вернуть должок жене.

А Гай, ворвавшись мальчуганом, когда Талу била злюка.
Закрыл её в порыве славном и боль дельфин терпел без звука.

IX

Горал давненько оплеухой с ног не сваливал милашку.
Но поднявшись шустрой мухой и на груди порвав рубашку,
Она бросилась в атаку, всех лупя перед собой.
И тут же страх погнал ватагу, предвидя их жестокий бой.

Удары сыпали обильно вперемешку с грязной бранью.
А затем, присев бессильно, упрекая своей рванью,
Шишкой, ссадиной, порезом, простонала Грета тихо:
– Жить с тобой – одна лишь мука. И с каким же интересом
Мне терпеть такого психа?

Горал

– За что ударила супруга!? За что глотать заставила песок?
И не лень же было злоке показать ума заскок!
Сама ты псих, жена дурная!

Грета

– Уж час, как мы с тобой в разлуке. Ты перегрелся что ли, муж?
Откуда мысль в тебе такая? Иди головке сделай душ.

Горал

– Твоя сгубить хотела жадность, свели уж камешки с ума!

Грета

– Всё, Горал, ступай в сторонку, уже наслушалась дерьма.

Горал

– Ещё какую ждать мне гадость?

Грета

– Убирайся вместе с бредом! Я учила непрестанно,
Здесь коварную девчонку! У детей спроси об этом!

А вернувшись детки в грот, посмотрев на них печально,
Стали бегать без забот.

Грета

– Тихо! Муки нас терзают, прекратили все шуметь.
Не то плети покарают. Я сказала, не греметь!

Гай

– А нужна ли к детям строгость, дабы слушались они?
Ты же видишь, что суровость их не делает овечкой.
Не видя ласку от родни, ожесточилось уж сердечко.
Но всё ж науку не забудет дитя в стремлении учиться.
Вот только зло в нём мать осудит, когда оно к ней возвратится.
И на кого ж тебе пенять? Коль ты пример сынкам своим.
Чему же им-то подражать? Как не поступкам твоим злым.
А отомстят они жестоко, рождая голод в твоём брюхе.
И будет очень одиноко этой немощной старухе.

Грета

– Того не будет никогда! Велю молчать тебе, щенок!

Гай

– Пройдут немалые года, но возвратят тебе должок!

Но Грету речь его задела, из них никто ж не возражал.
Как будто Гай в умах читал, коль взгляд потупили не смело.
В миг исчезла её вялость, заорала, взяв и плеть:
– Так вот, что в жизни мне досталось! На груди змею пригреть!?

Гай за ручку дернул Талу, запрещая детке видеть,
Как достанется их жалу. А пришлось ему озлиться.
Оттого что видел лица, когда смела мать обидеть
Человеческое чадо. Сколько ж было в них злорадства!
Ну а, как пришла расплата, то прикрылось братом братство,
Подставляя под удар спины младшеньких братишек.
Но предвидя сей кошмар, вывел Талу на простор
Собирать, как-бы, дровишек, слыша долго ещё ор.

Одно не сносно было принцу, напал-то он из-за угла.
Хоть месть была эта с крупицу, колола совести игла.
Не по душе были интриги особе этой благородной.
«В кармане спрятанные фиги» в кругу общения не модной
Отвагой были под водой. И он подумал, собирая:
«Всего лишь это тайный бой и неизбежен он для Гая.»

Х

Рано утром, как всегда, гномы взрослые поднялись.
Знать манили их места, где дары уже заждались.
Но страдая от побоев, свой каждодневный ритуал —
Злоречья низменных помоев лить никто из них не стал.
Но царившая в них боль всё ж сыграла свою роль,
Ввергнув бдительность в сонливость. Но их рассеянность дельфину
Стала, как фортуны милость. Коль булыжник отвалив,
Гном открыл врагу святыню, на тайну рода свет пролив.

Из тайника Гарал достал две шапки невидимки,
Затем, свечу жене подал. Гай видел всё, даже пылинки,
Тем более, в стене карман. Вот так в крошечной темноте
Шаг каждый гномов в суеде морской заметил «атаман».
И, как открылась от ключа, и как закрылась дверь опять.
Где слышно было, как ворча, говорила что-то мать.

И Гай поднявшись из постели, сдвинул камень еле-еле.
Дабы сонь не беспокоил им творимый в гроте шум.
Но тут же бдительность утроил, достав из ниши пузырёк.
И замер он во власти дум. Когда б, как яркий уголёк,
В нём жутко зелье замерцало. Но сразу мизерный флакон
Назад в тайник был возвращён. Всё оттого что испугала
Дремавшей силой неизвестность. Предмет и тем ещё страшил,
Что берегли его как ценность. И Гай сказать о нём решил.

К воде отправился тропой, любуясь утренней красой.
На бреге же, разделся Гай и вошёл в прохладны воды.
Когда б не голод, был бы рай. Капризы все любил природы.
Но особенно рассвет выделял немало лет.
Когда пущенной стрелой вылетал на гладь с толпой.
И криком, стоя на хвосте приветствовал с друзьями,
Ещё в небесной темноте ярило с первыми лучами.

XI

Гай доплыл до валуна, где уж ждала сестрица Кэти.
Ох, и шустра была она! Могли лишь буйные ветра
Быть соперником «комете». И на язык была остра,
Прославившись шутницей дерзкой.

Кэт

– Ну, рассказывай наш пылкий, как сердечные дела?

Гай

– Откуда бред вместо тепла? Кого прельстили бы обмылки?

Кэт

– Но быть должна причина веской, чтоб ты волю променял.
Ну ответь, ну пожалей. Ты сердце гномихе отдал?

Гай

– Её «любовь» еще сильнее! Её я сроду не забуду
За плоть избитую нещадно. Но, как всегда, я сдержан буду,
Чтоб скромненько ответить тайно.

И доложив все по порядку Кэти, ставшей в миг серьезной.
Описал флакон-загадку. Она ж, прощаясь, в просьбе слезной
Осторожным быть просила, ругая гнома на чём свет.
И вскоре скорость уносила к владыке пламенный привет.

Но только весть унёс гонец, как явился белый Тин.
О, сколько ж он разбил сердец, недостижимый блондин!
И братья радостно обнялись, затем и Гай в себя вернулся,
Затем охотой забавлялись. Когда же голод улыбнулся,
За камень спрятались опять. Где Гай поведал все сначала,
Что довелось сестре узнать. И то, что сильно огорчала
Тайна запертой двери.

Тин

– Да откроем мы ту дверь! Да веселей на мир смотри!
Лишь мне задание доверь. Позволь, братишка, мне помочь.
Всё доложу, сходя в разведку, как только встретимся мы в ночь.

Гай

– Когда пришлось бы резать сетку, глупца спасая от капкана?
Всегда я к правильным советам относился как-то странно,
Когда б не случай этим летом. Я вкусной, чуть, не стал едой.
Дышу-то я и говорю с тобою, благодаря душе одной.
Не делай, Тин, моих ошибок. Чтоб не смешить до слёз собою
В той западне бездушных рыбок.

Тин

– Хоть этот остров и велик, я обходил его не раз.
Обычен с моря его лик и утром, и в вечерний час.
Открыть глубины островка...

Гай

– О да, могла бы только птица. Но хоть задачка не легка,
Там запрещенная граница. Но может так концы найду

От Талы тянущейся нити?

Тин

– Перемыть за час руду? Не откажешь гномом в прыти.

Однозначно кто-то есть в лабиринтах тёмных здесь.

Ничего не начинай ты без мудрого совета. Умоляю тебя, Гай!

От владыки жди ответа.

XII

И обратившись мальчуганом, Гай брата обнял на прощанье.
На берегу же он песчаном одел сухое одеянье.
И отправился в пещеру, ждать ответ от господина.
И между делом их манеру – задираться, наказать.
Чинила ж пакости дружина. И вызов он решил принять,
Прощать же вовсе не привык.

Когда мечтала «мелюзга» сгубить вражину за язык.
И их коварная рука занесена была уж с камнем.
О чём проныра уже знал, привлечённый их собраньем.
Когда б он мухою присел и головой Хромой Сандал
По сторонам её вертел, поддакивая всем не громко.
старший брат
– Знаю я, где Гаю топко. Мать любого за пропажу
С бело со свету сживёт. Когда ж я устрою на кражу...
Сандал
– Какой хитро умный ход! И подложим под подушку
Этот дивный изумруд. Ох, исхлещет Грета душку!
Поделом получит плут!

Вспомнил Гай их приговор и в грот шагая, прошептал:
– Что ж, посмотрим ещё, вор, кому фарт свой приз отдал.

Вскоре гномы в грот вернулись. И, как обычно, к месту сбора
Всей семейкой подтянулись. И алмазы без укора
Мать подняла над собою. В восхищенье и Горал,
Тянулся жадною рукою, влюблённый в этот ритуал.

А затем, накрыли стол. И все сели, наконец,
Кроме Талы да мальчишки, есть вкуснейший разносол.
Но как портил сорванец своей гордостью нервишки!

– Гай объедкам-то не рад! И сегодня есть не стал.
Ничего, научит глад. – жене нашёптывал Горал.

И в остальном он вёл себя не сносно, достойно всяких нареканий.
Хоть и молила Тала слёзно, примером не был он стараний.

ХІІІ

Сын Сандал – второй по счету, подхалим и пройдоха,
Доносить имел охоту, поощряла ж мать не плохо.
На берегу играли дети, когда он шёл с улыбкой к Грете.

Сандал

– Мама Грета, что мне дашь? Тайну я открою коль?

Грета

– Вновь какая-нибудь блажь? Ну говори уж, в чем там соль.

Сандал

– Камень серый – твой любимчик. Ну тот, который звался Дымчик.

Взял сегодня у тебя-я.

Грета

– Ох, и примет он науку! Он обидел меня зря!

Я сломаю ему руку! Кто он, этот негодяй?

А-а, я знаю, это Гай.

Сандал

– Нет, не он разбойник ушлый. Тот, кто доступ к ним имеет,
Сотворил поступок тухлый.

Грета

– Кто же он ворюга гадкий, какой думать не умеет!

Сандал

– На измену только падкий первый страж родного клада.

Грета

– Что? Ах, вот кто расточитель! Так зови, пришла расплата!

Ждёт уж плеть – его учитель!

И сын в стремленье угодить, показал мамаше прыть,
Вбежал хромая в коридор, но вышел Гаем на простор.
Когда ж собралась вся семья, нашли у старшего «дымок».
Служила плахою скамья и преподал Горал урок.
Но в оправдание своё вор излагал одно враньё.
Но губы вдруг свои надул, когда узрел у изголовья
Раба, который подмигнул, с усмешкой глядя исподлобья.

Прочтя в глазах его злорадство, гном глотнул обиды ком.

И подумал: «Ай, да братство! Один остался за бортом.

Ни на кого надежды нет, кишит предателями свет.

Но ждать не долго месть Сандалу, врата открывшему скандалу.»

XIV

Гай частенько помогал Тале слабенькой в работе.
Но потирая ручки в гроте, смирение видел в том Гарал.
На самом деле принц жалел силы нежные малышки.
Ярма несносного хотел с шеи снять её, излишки.

Но постоянно в тех работах велось общение, притом,
Душа бывало Гая в спорах горела мстительным огнём.
Вот только всякое страданье жалела мученица-голь.
Обычным было состоянье знать в себе чужую боль.
Она мучителям своим желала блага, только блага.
Голодным, раненым, больным помогать, жила в ней тяга.

Гай

– Как можешь милость проявлять к врагам достойным осуждений?
Ведь им же совести не знать, не ощущать и угрызений.

Тала

– Хочу я очень в это верить, что к ним любовь ещё в пути.
Мою к ним жалость не измерить, их души жажду я спасти.
Им измениться надо, Гай. Тогда б не дикая среда,
Но окружал семью бы рай.

Гай

– И ты на острове года, однако, злыдней же не стала.

Тала

– Не знаю, мальчик дорогой, какого монстра съели сало?
Но совсем уж одичали. Другой бы шли они тропой,
Так может счастье бы встречали.

Гай

– В таком ты счастлива житье? Полуголодная, в тряпье?

Тала

– Сама с собой живу в ладу, творю добро, что и желаю.
Спокойна совесть и к суду, коль тьму из сердца изгоняю.

Взъерошив волосы свои, подумал он, обняв колени:
«Вот так же жить ради любви и не иметь с врагами трений?
Смог бы я прощать, страдая? Ну уж нет, увольте Гая!
О таких ползёт молва, как о трусе не далёком.»

Гай

– Зачем ты сносишь унижение, уж если ты всегда права?

Тала

– Потому что ни на грамм я не хочу быть зла истоком.
Ведь если в нас умрёт терпенье, таким же злобным стать и нам.

И улыбнулась грустно Тала, а принц, задумался немало.

XV

Пообедав всякий раз гномы шли в постель охотно,
Повалиться в тихий час. Но дельфин себя свободно
Не почувствовал, к досаде. Детка ж там посуду мыла.
Что его морской команде, ну, никак не подходило.
А раз сестра его звала, пытался он уединиться.
Дабы в море не могла Тала видеть его племя.
Знать пред ней ему открыться не настало еще время.
Гай

«Вот опять орёт там Кэт, властно требуя вниманья.
Но не стал бы этот «вред» из-за чувства состраданья
Нарушать поочередность. Значит, есть на то причина.
Знать приход ее не вольность, но какая-то кручина.»

Тала

– Ох, беда... вернулся он! Если их не сгонишь, Гай?
Попадут они в полон. К валуну пльви, давай!
Там две рыбки за скалой. В сеть такая же попала,
Как комарик в паутинки. Погоди, и я с тобой!

Допустить не мог провала. И парнишке лишь осталось,
Двум смущенным гладить спинки. И Талу к брату подведя,
Он сказал, сажая чадо: – Уж позволь малышке шалость,
Прокати вблизи, дитя. Позабавить крошку надо. —
Ну а сам, на Кэт взобрался.

Гай

– Вечность, так бы и катался на тебе, моя сестрица.

Кэт

– Я ж тебя подстерегу! Ах ты ж хитрая лисица!
Жаль, что сбросить не могу пред ребёнком тебя в море.
Но смотри как Тин увлекся. Узнаю себя в напоре.
А сейчас Гай приготовься вести слушать о Никтаре.
Как ты думаешь, он где?

Гай

– Мне еще загадок паре не хватало в бытие.

Кэт

– Кстати, братец, о загадке. Сильно маг был огорчён,
Как узнал о порке он. Но метнулся резко к травке,
Как услышал о флаконе. За ним еле поспевая,
Я была уже в загоне. Но он дважды повторил...

Гай

– Что велел сказать для Гая?

Кэт

– Чтoб о гордости забыл и дразнить не смел он гнома.

Гай

– Чтo за странные приказы? Это значит от приёма
Их помоечной заразы отказать мне нельзя?
Хоть отшлёпай ты меня, мой родитель дорогой!

Но на подвиг нет уж сил.

Кэт

– Свой отказ, такой крутой, лично сам и передай.

Но уверена, что мил будешь при свиданье.

Гай

– Все выкладывай, давай! Из тебя клешами знанье

Надо, Кэти, добывать.

Кэт

– Да, не долго встречи ждать. Пару часиков, как здесь

Маг под солнцем ярым бродит. Ну, и как задире весть?

Гай

– Знает память моих лет, царь на землю не выходит,

Легкомысленная Кэт. Но коль сам пришёл владыка?

Значит крупную опасность таит мелкая бутылка.

Но смотри же, чтобы гласность из твоей не вышла пасти

В красках ярких да красивых. Не буди пока что страсти,

Пожалей покой любимых.

XVI

Ну, а в это время Тин мастерство свое являл.
То плывал медленно дельфин, то с наездницей скакал.
Словно видел пред собой препятствий низких длинный строй.
О сколько ж радости она в морской забаве испытала!
Что даже детку глубина в дали от берега не смущала.

И умиляясь целовать стала Тина, с ним прощаясь.
Видя, как уже спешат, к валуну стремясь опять,
Словно, как бы совещаясь оба зверя вместе в лад.
И став на хвост, работая им бойко, смешно треща
Головками кивали. И успокоило ребёнка,
Раз удаляться они стали.

Гай сердился на привычку самой тайны создавать.
Но унять не мог сестричку, уж если любит так играть.
Гай
– Тот дурак, кто ей поверит, спутал мысли её лепет.
Знал же я за Кэти слабость. Сколько обмороков, слёз,
Да истерик перенёс, но всё ж развесил уши малость.
А она назло, видать, даже малую частицу
Мне о главном не сказала. Ох, и выхватит опять
Эта вредина скандала! Кто ж теперь ответит принцу
На его вопрос серьёзный? Ну, и как узнаю мага,
Начав поиск скрупулёзный? Дуб сейчас он, или макака?

И помытую посуду потащили они в грот.
Где проснулись все не к худу, а совсем наоборот.
И день закончился б не плохо, когда б не бедствия аврал.
Был притоплен кем-то кроха. Ну а кем? Не знал Сандал.

XVII

Гай момента подждал, став свидетелем их спора.
Ведь тянула время сора, гном когда б завёл скандал:
– Моя шапочка, отдай!

Грета
– Она что, Горал, с зубами, иль косою помечен край?
Ну как не зрячими глазами в темноте узнать её?
Их и днём не отличишь.

Горал
– Весь твой род одно жульё!

Грета
– Зато ты – сама невинность! Не смеди меня, Малыш.
Кто бы ратовал за правду? Пока дома не случилась
Вновь безжалостная бойня. Получать пошли награду,
Склок хватает на сегодня.

И открылась вскоре дверь, в тьму кромешную впуская.
В то же время мелкий зверь пробежал меж коротышек.
И кто бы в нём признал бы Гая? Взял он мудро облик мышек,
Слившись с камнем одним цветом. Когда шустро по тропинке
Перебежками шёл следом. Раз не видеть ему там
Гнома в шапке невидимке, не подвластно колдунам.
Надо ж вспомнить как Листар, если нам не полениться,
Дал спасение от чар, защитив от Мрака принца.

Долго крался так мышонок. Но, как замер гулкий топот
Он, как статуя застыл. Но коль слух дельфина тонок,
То, услышав хриплый шёпот, он с досадой уловил,
Что расходятся супруги. И за кем теперь бежать?
По наитью выбрал мать. Когда в спорный час разлуки
Гном свернул в иной туннель. Где вверх вели его ступени,
И эхом частая капель звенела, падая во тьме.

А Грета встала на колени, как беглец в сырой тюрьме,
Проникнув в узкий лаз ходов. Проползая без заминок
Не глубокий длинный ров. А Гай, вскочив ей на ботинок
Ехал, лапками вцепившись. Но вскоре грот с высоким сводом
Неожиданно открывшись, ставит на ноги мамашу.
И покрывшись алчным потом, скинув храбрую поклажу,
Красться начала вперёд, как за птицей хитрый кот.

Так она дошла до цели, в тишине скрывая топот.
Напугав, затем, дельфина, коль раздался дикий хохот.
А всего-то, здесь горели под свечою два рубина.
Все сомненья о здоровье Гаем тут же отметались.
Впрочем, гномов поголовье все умом не отличались.

XVIII

Но как услышан под землёй был дальний грохот трудовой,
Пошли в иное русло думы. И уж собрался было Гай,
Разведать нижний мир угрюмый, но стал помехой чей-то лай.
Метнулся он и встал за Гретой, за юркость мышь благодаря.
Коль мог бы стать он тут и жертвой.

Гай

– Ещё какого дикаря таит «чудесный» лабиринт?
Откуда взялся бы щенок? Оголодал-то как, рахит.
Видать, не ел он долгий срок. А как трясётся, словно лист!
В глазах испуг, ох бедолага...

Грета

– От хвори вроде бы ты чист. А ну, ко мне иди собака!
Мне сторож нужен, да позлей, раз нет надежды на детей.

И Грета зверя потащила, а Гай в раздумье вслед побрёл:
«Назад вернулся бы орёл, когда б разведка победила.
Но может и такое стать, как псу в туннелях затеряться.
Как скряга алчностью богатый в ларце таящий слиток золотой,
Так не открыли себя гроты. Словно волк опять голодный
Возвращаюсь я с охоты. Утомительно бесплодный
Был поход, но не совсем. Ну, кто б ещё, если не люди,
Поднесли рубин на блюде? Но кому сей дар, зачем?
Эх, сгубил барбос затею, появившись словно чёрт!
Но как же трудно будет зверю! В дурные ж руки попадёт.
И видя бедствие щенка, начнёт и девочка страдать.
А это значит, что опять спасёт их тайная рука.»

Но вдруг Горал нежданно тьякнул, напугать пытаясь Грету.
И заплатил за шалость эту. В испуге резко же отпрянул,
О выступ голову разбив, когда щенок ответил звонко.

Грета

– О, как он злобен и ретив! Но слабоват ещё он только.

Горал

– Где взяла ты эти кости? Выбрось гадость эту, мать!

Грета

– Чай, несущего не в гости, а служить и охранять.

И хотелось ему массу слов не лестных ей сказать.
Но заметив камни, сразу гном просил ему отдать,
Хоть и нёс мешок огромный. И ради мира мать отдала
Ценный груз свой благородный – бесподобные рубины.
Но всю дорогу проверяла, ругая мужа без причины.

Перед дверью сняли шапки и вошли в дремавший грот.
И поставив пса на лапки, Грета видит, как суёт
С неохотой муж ей ценность. Всё ж боялся её криков,

За женою зная вредность. Сыт был «нежностью речей».
Доведёт до нервных тиков, но страшней, лишит харчей.

Ну а Гай, промчавшись пулей, вышел с грота на простор.
А вернувшись тут же в «улей», внёс дровишки и топор.
Ох, гудели «роем пчёлы», окружив свой «дикий мёд».
Каким обмазаны престолы и рад какому был бы огород.

Часть II

I

Сменяя думы непрестанно, в раздумье Гай бродил по берегу.
«О как явился он внезапно! И почему в потёмках грота
Там был без матери щенок? Но мог же пёс и человеку
Принадлежать. Или не мог? Ну, не могла ж его забота,
Жестоко голодом моря, довести до истощений
Это гавкучее дитя. Но чую совести укор...
Раз нет нисколько изменений в судьбе девчонки до сих пор.
Но что я услышу? Её плач? Что ж, бегу на помощь горю!
Началось... я вот поспорю, что псёнка мучает палач.
Так и есть, в кружок стеснились. Нет в пещере взрослых гномов,
Сети ставили, трудились. Но как же рады сыновья,
В раж входя от тяжких стонов, так веселиться тут семья.
Соревнуйся, побольней ущипнуть стремиться каждый,
В плоть вцепившись посильней, видя подвиг в том отважный.»

Гай

– Тала, милая, иди, наш щенок у злобы в пасти.
Ты должна его спасти, рвут же бедного на части.
Ну а я их задержу.

Союз бесчинствовал садистов. Она к ним шла, как по ножу.
Но нрав у Талы был таков, снесла б она удар неистов,
Чем слышать вопли слабаков. И став над ними, закричала,
Их от жертвы отвлекая. И тут же с ношей пробежала
В коридоре мимо Гая.

В ответ же, стая разъярённых за ней проследовали с визгом.
Но в коридоре не преклонных ждал сюрприз слезой умытый.
Выл же там со скорбным видом их щенок изрядно битый.
Схватил один его, другой. К себе и третий стал, и пятый
Тянуть безжалостной рукой.

Но вис не долго Гай распятый. Что дальше было?
Лучше вам не знать. Одно скажу, увидев мать,
В восхищении застыла. Детей искусанные раны
Сказали ж опытной родне, что были пытки не желанны.
Так заслужил щенок вдвойне, став грозой для сыновей,
Её похвальных одобрений.

Сандал

– Мама Грета, пса убей! Раз он кусается, как гений.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.